

— В общежитии я первое время жил в одной комнате со Славой Сазановым, электробритвой которого я впервые возил по своему пушку на подбородке. Слава же до этого жил со старшекурсниками, и среди них был Мизун, близко познакомиться с которым мне довелось много лет спустя. Потом меня переселили в 146-ю комнату, на шестом этаже прямо напротив лестницы, точнее, бездействующего с дореволюционных времён лифта. Моими соседями оказались однокурсники: Толя Павлов, бывший шахтёр из Донбасса, а ранее моряк, измождённый надводными и подземными трудами и живущий теперь на одну стипендию; Валера Кундин, чуть косоглазый, в очках, спокойный парень; Коля Орлов, с носопырами, вывернутыми наружу, тоже в очках, и Курт Пойкер - невысокий, плотненький, очень живоглазый немец из ГДР.

Жильцы комнаты №146: Коля Орлов, Толя Павлов, Курт Пойкер, Валерка Кундин и я

— Четыре койки по стенам, пятая - между теми, что у окон, а между теми, что у двери - стол. Где-то ещё и тумбочки помещались, и два платяных шкафа, один стоял прямо перед дверью, создавая как бы прихожую. В тесноте, но не в обиде. Живём весело и до поры до времени дружно. Особо я ни с кем из ребят не сблизился, ни в группе, ни в общежитии. Всё время было заполнено учёбой и перепиской с Капюшончиком - Веточкой, как я называл её теперь в письмах. В Калининград я ездил не только на каникулы, но и на ноябрьские и майские праздники, и почти всё время проводил с ней...

— Хорошо помню солнечный день 12 апреля 1961 года, когда запустили Гагарина. Весь физфак бурлил и ликовал, наиболее темпераментные устроили демонстрацию.

— Я уже не думал о геофизике. Кафедра физики Земли не пользовалась популярностью среди младшекурсников, все отличники стремились на теорфизику, приоритет которой не оспаривался - там академик Фок и вообще все корифеи; второй по популярности была кафедра оптики (Фриш!), затем твёрдое тело, ядерные реакции и т.д. Геофизика прочно занимала последнее место. О том, что она ближе других к космической физике, никто не догадывался. Да это направление только-только зарождалось на кафедре, как, впрочем, и вообще в науке. Мои пятёрки позволяли мне надеяться попасть на теорфизику, хотя я и чувствовал, что подготовка и способности мои не самого высокого уровня. Но до распределения по кафедрам было ещё далеко - оно проходило в конце третьего курса.

— После июньской сессии, как обычно, по домам не отпускали. Полагалось отработать месяц на стройке или в колхозе, формировались целинные отряды, Феликс Израилев подбил меня пойти работать в геодезическую экспедицию. Мы с трудом получили на это разрешение в деканате и в комитете комсомола, сославшись на стремление получить практику для будущей, якобы геофизической, специальности. Каким-то образом наша демагогия сработала и нас отпустили. А нас же просто привлекала возможность немного заработать в более романтических условиях, чем в колхозе или на стройке. Для меня так даже само слово "экспедиция" оставалось необычайно привлекательным несмотря на готовившуюся измену геофизике.

— Однако то, куда мы сумели устроиться, мало походило на настоящую экспедицию. Во ВНИИГРИИ (Всесоюзном научно-исследовательском институте геодезических работ и инженерных изысканий, что на улице Зодчего Росси) нас направили к Борису Борисовичу Рабиновичу - сухощавому невысокому мужчине лет 55-ти с вьющимися седеющими волосами, открытым лбом, мало похожему на еврея. Он объяснил нам нашу задачу: каждый день являться в Старый Петергоф, откуда мы с ним будем "прокладывать нитку" для будущего газопровода куда-то на Гостилицы.

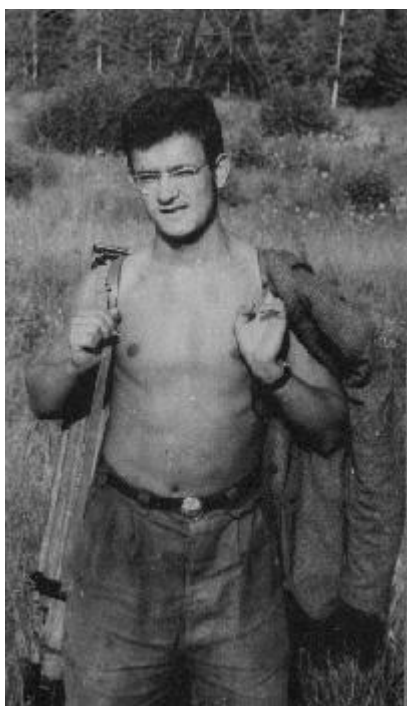
— Из общежития на лето всех выселяли, освобождали места для абитуриентов, и я перебрался в Сестрорецк к Бургвицам, откуда каждый день, кроме воскресений, ездил в Петергоф, тратя на дорогу около двух часов в одну только сторону. В Петергофе мы загружались теодолитом, топорами, рейками, кольями, лопатами и уходили на нашу нитку. Кроме Рабиновича и нас с Феликсом в отряд входили две или три дюжие бабы из местных (петергофские), а потом присоединился ещё один студент из Кораблестроительного.

Феликс, Рабинович и Корабел

Местность была лесистая, красивая, погода прекрасная, работа - тоже. Суть её состояла в том, чтобы по заданным на карте углам и расстояниям разметить на местности всю трассу кольшками через каждые 100 метров и столбами через каждый километр. Для этого вначале "выставлялся" теодолит по уровням, затем по рулетке отмерялось расстояние в сто метров, там кто-нибудь становился с полосатой рейкой и перемещал её

по командам Борис Борисыча, устанавливая точно по азимуту. Затем на место рейки вбивался колышек, и рейка относилась дальше. На место колышка переносился теодолит, опять его выставляли, процедура повторялась и так далее. По ходу составлялся абрис - подробное карандашное описание в специальном блокноте местности от колышка до колышка. Вся растительность между теодолитом и рейкой, включая здоровенные деревья, вырубалась нами в полосе шириной примерно метра в два, чтобы стволы и ветки не мешали четко видеть рейку через оптику теодолита. В качестве километровых столбов забивались железные трубы диаметром сантиметров 10 - 12. Они были привезены заранее и сложены в определённых местах, откуда мы их и таскали к точному месту установки. Привязка к местности велась по триангуляционным вышкам.

Я и Рабинович

—Всю работу с теодолитом и абрисом выполнял Борис Борисыч. Абрис, правда, он иногда доверял составлять и нам. Основная же наша задача состояла в том, чтобы носить, рубить, держать, забивать, копать, опять носить и т.д. Уставали по первому времени неимоверно. В обеденный перерыв валились на траву, и даже есть не хотелось, только - лежать. Но уже дня через три - четыре освоились, натренировались и чувствовали себя великолепно, хотя не всегда и не всё делали достаточно ловко и быстро, за что терпели издевательскую ругань Борис Борисыча. Мужик он был явно хороший. Дочь у него вышла замуж за албанца, учившегося у нас, и уехала с ним в Тирану. Тогда отношения с Албанией внешне ещё выглядели нормальными, но ухудшались, и в разговорах Борис Борисыча о дочери звучало беспокойство.

Я и Феликс

Послеобеденный отдых (намаялись)

В перерывах, которые Борис Борисыч устраивал через два - три часа, мы с Феликсом покуривали махорку. Борис Борисыч осуждал нас за баловство, сам, правда, курил. Я ссылался на зуб, который в самом деле иногда побаливал, а курение вроде бы несколько притупляло его нытьё.

— Как-то раз я обнаружил на одном дереве буквально на уровне своей головы двух нелетающих ещё птенцов какой-то хищной птицы. Птенцы сидели то ли в гнезде, то ли просто в развилке ветвей и были размерами побольше голубя. Из-за крючковатого клюва и острых когтей держать в руках их можно было только в перчатках. С одним из них в руке я сфотографировался, и мы оставили их на том же месте.

Я и Корабел

Пишу письмо

— Работали мы часов с девяти до четырёх дня, так что вечером в Сестрорецке я ещё успевал встретиться с друзьями, чаще всего с Шуркой Санкиным. Отработали мы таким образом весь июль, получили свои первые зарплаты, и разъехались на каникулы с самыми лучшими воспоминаниями о недаром проведённом времени. С Феликсом я в дальнейшем

всё же не сблизился, что-то в его характере мне не нравилось, какая-то заносчивость была. Впрочем, когда мы с ним случайно встретились лет через десять в Калининграде, и я его возил в Ладушкин, в обсерваторию, на залив, мы были рады друг другу, мне он показался мягче, чем в университетские годы.

(продолжение следует)